

УДК 821.161.1

ОБРАЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ АВТОРСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ В. Е. МАКСИМОВА «КОЧЕВАНИЕ ДО СМЕРТИ»

Людмила С. Старикова ^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ lyudvig.star@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-2166-9224>

Поступила в редакцию 17.08.2017. Принята к печати 18.09.2018.

Ключевые слова: образ революции, эксплицитный автор, имплицитный автор, время, история, рок, лагерная проза.

Аннотация: Цель статьи – проанализировать образ революции в романе В. Максимова «Кочевание до смерти», в ходе исследования использованы культурно-исторический, мифопоэтический методы и метод мотивного анализа. В связи со сложной многоступенчатой структурой романа образ революции рассмотрен отдельно по уровням текста. 1. Реальный пласт времени, описанный через поколение отцов, участвовавших в революции и гражданской войне. Для них она является значимым делом – это то, ради чего они жили, убивали и умирали. Ее образ у них вызывает уважение, поклонение, а также сожаление о незавершенности и невоплощенности идей. Революция тесно связана со временем гражданской войны, которая стала ее продолжением. 2. Метатекстовый уровень (уровень эксплицитного автора-героя Михаила Бармина) объединяет метатекстовое построение романа (который включает настоящее время, прошлое героя и роман в романе о времени революции и гражданской войны) и вписывается в художественную концепцию времени писателя: время, тесно связанное у В. Максимова с судьбой и роком, предстает смертельным хаотичным кругом, руководящим судьбами героев, страны, постоянно повторяющей свою историю снова и снова, и в целом всего человечества. 3. Авторская точка зрения (имплицитный автор) – революция предстает в виде хтонических существ, чудовищ, пожирающих своих детей, требующих кровавых жертвоприношений, человеческих жизней.

Для цитирования: Старикова Л. С. Образ русской революции как воплощение авторского понимания истории в романе В. Е. Максимова «Кочевание до смерти» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 223–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-223-230>

Введение

Русская революция 1917 г. является сложным феноменом в историческом процессе XX в., ее осмысление, создание художественного образа, выявление значения гражданской войны как последствия революции – данная проблематика затрагивалась в творчестве русских и советских писателей. «Образ революции – это архетипическая традиция нарушения существующей упорядоченности общественной жизни, принимающая в разные эпохи разные формы, но одинаково подталкивающая людей к радикальным социальным действиям» [1, с. 106], поэтому данная тема не теряет актуальности. При этом революция описывалась с различных точек зрения: как эпохальное историческое событие, перевернувшее старые устои жизни и создавшее новый тип человека («Конармия» И. Э. Бабеля, «Разгром» А. А. Фадеева, «Железный поток» А. С. Серафимовича, «Чапаев» Д. А. Фурманова и др.); и как конец времен, эсхатология («Белая гвардия», «Дни Турбиных» М. А. Булга-

кова, «Котлован» А. П. Платонова, «Солнце мертвых» И. С. Шмелева, «Окаянные дни» И. А. Бунина и др.).

Об образе революции в русской литературе исследователи говорят применительно к творчеству М. Алданова [2–5], Л. Андреева [6–7], А. Белого [8], А. Блока [8] (в центре анализа оказывается поэма «Двенадцать» [9–11]), М. Волошина [12], Л. М. Леонова [13–14], Б. Пастернака [15], А. М. Ремизова [16] и др. Исследователями отмечаются образы метели и вихря, сопровождающие революцию, апокалиптические мотивы, революция предстает как катастрофическое событие, стихийное и кровавое, как гибель России, отмечается символика хаоса истории.

Уделим внимание диссертационной работе Бражникова Ильи Леонидовича, посвященной историософскому тексту русской революции в художественной литературе и публицистике XX в. Исследователь рассматривает многих писателей и их произведения, начиная с XIX в. (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, П. Я. Чаадаев, В. Ф. Одоевский и т. д.). В XX в. затрагивается С. Есенин, В. Розанов,

А. Блок, М. Волошин, Г. В. Иванов и др.; подробно рассматривается поэма А. Блока «Двенадцать», отдельная глава называется «Сатирический модус художественной апокалиптики («Роковые яйца» М. А. Булгакова и «Третий Рим» Г. В. Иванова)». Диссертация завершается обращением к эсхатологическому хронотопу в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой». Таким образом, работа охватывает множество произведений различных направлений и жанров и завершается повестью второй половины XX в. В итоге И. Л. Бражников делает вывод о том, что «Революция – это апокалипсис (откровение) русской истории, смысл которого открыт и незавершён – продолжает разворачиваться в истории» [17]. «Мысль о «стихийном», «вихревом» начале в революции присутствует в произведениях советских писателей 20–30-х годов» [18, с. 5], – также отмечает А. Р. Дзюв.

Владимир Максимов, роман которого стал материалом рассмотрения данной статьи, является писателем, основывающим все свои произведения на реальных исторических событиях. Творчество В. Максимова дополняет контекст произведений о русской революции и гражданской войне, расширяет грани понимания данного явления, углубляет наши представления о художественной концепции истории писателя. Одними из самых частых явлений, затрагиваемых им, актуальными почти для всех его книг, оказались революция и последующая гражданская война. Он обращается к ним в следующих романах: «Семь дней творения», «Карантин», «Заглянуть в бездну», «Ковчег для незваных», «Кочевание до смерти» и др. «Обращение к историческим фактам для писателя является способом самопознания, национальной идентификации, смысл которой в обретении «почвы под ногами», в убежденности, что даже трагические исторические события очистительно воздействуют на личность и народ» [19, с. 265], – пишет И. М. Попова, обращаясь к роману «Семь дней творения». Исследователь отмечает авторское понимание хода истории в период революции как соединение документальности и символического плана метаисторизма, уходящего к вселенской истории человечества [20]. По мнению другого ученого, А. Р. Дзюва, в романе «Заглянуть в бездну» революция предстает катастрофическим всеохватным процессом, пришедшим как возмездие и потрясшим сами основы бытия [18]. Как мы видим, это сложное и противоречивое явление, и мы попытаемся выявить его характеристики в романе В. Максимова «Кочевание до смерти». Анализ образа революции актуален для творчества Владимира Максимова, в произведениях которого представлен исторический реализм. Ранее данная проблема не рассматривалась подробно применительно к роману «Кочевание до смерти». Цель статьи – проанализировать образ революции в рассматриваемом романе, в ходе исследования были использованы

культурно-исторический, мифопоэтический методы и метод мотивного анализа.

Анализ образа русской революции по уровням текста

Роман 1994 г. «Кочевание до смерти», тематически включенный нами в лагерную прозу, является последним произведением В. Максимова, и в нем он соединил несколько временных пластов, уже затрагиваемых им ранее. Время представлено тремя пластами: настоящее время (эмиграция, Франция), в котором герой Михаил Бармин пишет роман об отце – Гордее; прошлое самого героя (последовательная история его жизни); прошлое страны, описанное в романе Бармина. В этом третьем метавремени описана революция и гражданская война, в нем образ революции является ключевым, но проявляется и далее во всех временах, т.к. отголоски прослеживаются в судьбе всей страны и каждого человека в частности. Герой-писатель пытается через творчество понять переплетения судьбы, ход истории и главного события – революции: «Развязывая и связывая человеческие сплетения на бумаге, я все силюсь отыскать конец нити, с помощью которой смогу выбраться из лабиринта загадок к одному, единственно возможному ответу на вопрос-вопросов: с чего началась российская Голгофа, в чем ее смысл и чем она кончится?» [21, с. 642].

Реальный пласт отражения революции проявляется в воспоминаниях об отце и матери Михаила Бармина и их сверстниках (поколение отцов). В детских воспоминаниях отец (Гордей Мамин) искренне считал себя незаслуженно обойденным славой и почестями, злобил на весь белый свет» [21, с. 526], вымещал злобу на родных. Его фраза «Сукины дети, просрали революцию!..» [21, с. 526] отражает особое значение: революция – это дело всей жизни для многих ее деятелей. Другой персонаж (отец Валентины, поколение отцов) отмечает былое время: «было дело, не жалели себя за ради революции, проливали горячую кровь молодую» [21, с. 538]. Отчим героя Павел Бармин подчеркивает значимость революции, готовность на все в то время ради нее: «мы тогда ради революции готовы были хоть с дьяволом» [21, с. 669]. Революция требует молодой крови, о ней говорят с уважением, она почитается как некая религия. С точки зрения тех, кто делал революцию, последующие поколения не только не признали их роль и заслугу в величайших изменениях страны, но и не смогли воспользоваться достигнутыми ими результатами.

Обратимся немного подробнее к образу отца, который остался в памяти ребенка и частично характеризует образ революции: «В памяти у меня от него остались только унылый нос над висячими усами, ромб в петлице и орден Красного Знамени на застиранной гимнастерке» [21, с. 527]. Отец воевал за дело, в которое верил, которое должно было спасти страну,

по его вере; он был в высшем командном составе и был героем войны, приставленным к награде, о чем нам говорят знаки отличия. Но у него унылый вид, застиранная гимнастерка – атрибут войны, революция ничего ему не дала, кроме потерь, и в итоге за это дело он был осужден на лагерный срок.

В судьбе матери героя революция также сыграла яркую роль, мать застала еще Февральскую революцию, будучи в Смольном институте. По книге и рассказам отца он вытаскивал «ее из-под целого эскадрона где-то на беженских дорогах между Тихорецкой и Екатеринодаром» [21, с. 526]. Не новость, что такие события влекут за собой насилие и надругательство, особенно над женщинами, но для дворянки они ознаменовали изменения всей ее жизни. Для Бармина она осталась непостижимым человеком, он сравнивает ее с невозмутимой птицей, которая оправляет «помятое оперение, чтобы устремиться дальше в поисках тепла и пропитания» [21, с. 529]. Неудивительно его непонимание, т. к. герой озабочен глобальными проблемами, судьбами России и т. п. А она живет лично для себя, «мир вокруг создан ради нее лично» [21, с. 529]. У ребенка обида на мать, т. к. «я для нее обуза, крест, наказание Божье» [21, с. 529]. Она же любила себя чувствовать невинной жертвой окружающих обстоятельств. Ее характеристика предстает через сознание героя как обиженного недолюбленного ребенка, он ее не уважает, описывает будто она его никогда не любила: «я уверен, не ударит для меня палец о палец. Уж так было устроено ее естество: она жила собою и ради себя. Увы, ничего более ее на этом свете не трогало и не интересовало» [21, с. 650]. По воспоминаниям ребенка, отец просто куда-то делся, а они с матерью переехали уже к отчиму, она нашла Бармина (возможно просто выбрала лучший вариант для жизни) – она приспособилась, что не должно было быть характерно для ее дворянской чести, но ей хотелось жить и выжить, а умела и могла она это сделать только через мужчин.

При описании революционного поколения отцов, которые в 30-е гг. уже были обречены на срок и статью, В. Максимов описывает революцию и историю как замкнутое кольцо: время захватывает людей в свой круг: «Гибельный рок проступал в их лицах, смыкая вокруг них заколдованный круг всеобщего отчуждения» [21, с. 526]. Революция, воспользовавшись молодой кровью, оставляет людей року и судьбе.

В романе героя (метатекстовый уровень) революция предстает в творческом сознании героя-писателя. Мы должны учесть, что в его романе революция – уже не реальное историческое событие, а творчески, индивидуально осмысленное, метаисторическое.

В самом начале романа героя он сравнивает время революции с вольницей Степана Разина. Этот образ возникает не просто так. Он видит крылатую стаю бунчуков и знамен «обезумевшей от вина и крови разинской вольницы: даешь волю, одна живем!» [21,

с. 532]. Образы-воспоминания революции возникают в образах, связанных с кровью и смертью: «жирные, словно облитые нефтью мухи, лениво кружащие над головой повешенного Калабухова» [21, с. 533]; «обреченные бараки в Лиенце, где резали вены и готовились к смертным хождениям остатки красновского воинства» [21, с. 533]; кровь в гражданскую войну потекла «по степи, как вода, не поймешь, где своя, где чужая» [21, с. 536]; во время гражданской войны: «По всему Задонью и Дону льется людская кровь от большевистских катов, стоном стонет родная земля» [21, с. 575]. Революция, как древнее божество, требует неких жертвоприношений, требует платы кровью и получает ее. Люди готовы на зверства, убийства, а смерть становится обыденностью. Например, когда идет описание кровавых времен, в которых жил Гордей, мотив крови становится нормой для войны: «Его уже не мучило от людской крови, и ничьи слезы не откликались в нем жалостью или досадой» [21, с. 626]. Но пусть это и норма, но человеческая душа тоже умирает, черствеет. Гордей (главное действующее лицо времени отцов в романе героя, главный герой романа в романе, который пишет Михаил Бармин) был призван на фронт, душа его разбросалась в разные стороны, революция (как и само время) предстает как воронка, омут, затягивающий в свою бездну: «После хуторского оцепенения мир вломился к нему в душу оглушительной разноголосицей, хоромом лиц, имен, названий, лозунгов и местностей, хмельным дурманом обманчивой воли. И Гордей закружился в этом мутном омуте, безвольно втягиваясь в его безумную воронку» [21, с. 536].

Образ войны сопровождает революцию, они описаны в похожем ключе: «Война подступала к Кубани исподволь, крадучись, тихой сапой: все учащались зауспокойные службы в станичной церкви, все гуще выявлялось увечных на базарах и сходах, все тише и скупее отмечались престольные праздники. Казалось, самый воздух день ото дня густел, наливался спертым, словно в предгрозье, удушьем» [21, с. 535]. Гражданская война, ставшая продолжением и действием революции, отразила ярость и беспощадность того времени. Старый доктор в лагере говорит о гражданской войне и ее вожде Троцком следующее: «Не щадил ни пола, ни возраста. Столько могил и сирот после себя оставил, что нам их до Второго Пришествия не пересчитать» [21, с. 580]. Война сопровождается смертью, бездомностью, одиночеством людей.

Во времени революции в романе Бармина его героя постоянно сопровождает как некий рок или проклятье другой герой – Чумак, сначала его командир в революционной войне, потом он встретит его и в лагере, там же узнает, что алмаз, который тот когда-то дал ему на хранение и который он пронес через все тюрьмы, обыски и зоны, на самом деле – фальшивка. Во сне Гордей видит сущность Чумака

как сатаны (при этом картина чем-то напоминает финальную сцену из «Мастера и Маргариты»): «А ночью Гордею снилось, будто сидит он в одном седле с Чумаком и тихий конь, не касаясь копытами земли, несет их над заснеженной степью. Чернильное небо осыпается на них звездными ливнями, и клубятся по сторонам то ли облака, то ли пар из лошажьих ноздрей. Редкие огоньки внизу призывно подмигивают им, но тихий конь уносит их все дальше и дальше в матерюющую впереди ночь. – Погоди, казак, то ли еще будет, – оборачиваясь к нему, азартно скалился Чумаком, – по всей земле просвистим, только головешки считай!» [21, с. 645]. Чумаком предстает неким всеильным центром действий апокалипсиса разрушений, он скалится, как зверь. Но образ воплощается в реальность даже более ужасающе, нежели во сне: «А Чумаку и это нипочем. Нахрапистым коршуном носился он по дому, только грозно посверкивали рысьи глаза да ядро вздувались широкие ноздри» [21, с. 646]. В одном существе соединяются птица, рысь и лошадь, чем-то данный образ напоминает грифона (мифического существа с телом льва и крыльями птицы), но с добавлением третьего компонента. Как мы видим, главным оказывается принадлежность Чумака к потустороннему миру и его приобщение к разряду чудищ, он является частным воплощением образа революции.

Именно Чумаком (один из реальных кровавых деятелей революции и гражданской войны) описывает всю перевернутость времени полного изменения мира: «У меня не заведение для благородных девиц, мы землю на попа ставим, нам в бирюльки играть некогда, у кого душа со страху мерзнет, уйди с дороги, а то растопчем, нам не по воду – по людские кровя ходить, руки замочить боишься – не суйся, враз на распыл пушу...» [21, с. 628]. Деятели стали творить историю, решать, кому жить, кому умирать.

На уровне эксплицитного автора-Бармина эти образы повторяются. Гражданская война, это «роковое российское безвременье» [21, с. 533] (по выражению В. Максимова), последовавшее за революцией и ставшее ее результатом, являлась для писателя одной из основных точек, на которых он основал художественную философию истории. В романе «Кочевание до смерти» В. Максимов представляет историю лабиринтом, хаосом, переплетением судеб. Историческое время, подвергающееся рефлексии в сознании героя, предстает как образ замкнутого, повторяющегося, убивающего круга. В книге Михаила Бармина «через историю казачьего мятежа раскрывается изначальная антинародность большевистской политики» [22]. Революция как остановка времени повлияла на Россию, и она на 70 лет выпала из общемирового исторического движения. И на общемировом уровне человечество в принципе потеря-

лось, запуталось в войнах, революциях и конфликтах. Повторяемость времени и событий отмечают не только писатели, но и философы¹.

В «Кочевании до смерти» революция подобным образом росла и зрела как живое существо, заражала умы как болезнь, зарождалась и прогрессировала: «в местечковых углах России, заквашенная на страхе и нищете, словно взбухающая опара, вызревала гремучая ненависть» [21, с. 577]. Ее сопровождают злоба, ненависть и, конечно, смерть, она поражает как вирус или микроб: «в революциях действительно можно усмотреть такое качество, как вирулентность (способность к воспроизводству через заражение)» [24, с. 60], – так характеризует исследователь-философ некоторые качества революции как феномена. Но для поколения Михаила Бармина это уже не великое дело, революция принесла нужду его ровесникам, сиротство, обездоленность, бездомность.

Перейдем к точке зрения повествователя – имплицитного выражения автора. Для описания времени революции Максимов использует яркие образы чудовищ, древних хтонических существ, образ чудовища, пожирающего своих детей, поглощающего человеческую индивидуальность. Здесь можно узреть связь и с Кроносом, богом времени, что логично ложится на образ революции как показателя исторического времени для страны. Подобно Кроносу, «революция пожирала своих детей, порождая новых – поплоче и поговорчивее» [21, с. 526]. Такое сравнение используется при описании пласта времени отцов, строивших новый мир, но на самом деле это революция поглотила их судьбы как всеильное божество, или рок, который у В. Максимова движет судьбами героев романа. Данный образ согласуется и с выведенным К. Бринтоном [25] знаменитым законом Термидора, по которому революция в конце концов начинает отрицать саму себя, или иными словами – пожирать своих детей. Это показано на образе дома, где проживают целые семьи. Дом, где живет в детстве герой-рассказчик, характеризуется как гробница. Это дом власти, людей из властных структур. И как бы не продвигалась их карьера – быстро взлетали или медленно – все равно они пропадали, исчезали: «Их тут же вычеркивали из списков жильцов, из памяти, из времени, чтобы наследовать от них невольную месть – тягостную пытку ожидания» [21, с. 526].

Категория времени оказывается воплощена в образе революции, подтверждающем круг повторяемости в «Кочевании до смерти». В образе революции писатель находит некое отражение сущности исторического процесса. Он отмечает, что «Всякая революция или переворот сводятся в конце концов лишь к смене одних надзирателей другими» [21, с. 590]. В. Максимов находит в ней причины того, что целая страна стала подобием лагеря.

¹ см. работу В. А. Лимонова [23].

Заключение

В романе «Кочевание до смерти» три пласта времени объединяет не только главный герой, но и мотив смерти, соединяющий революцию, эмиграцию и лагерь. Во всех трех временных пластах романа находит отражение образ революции, вписанный в авторскую художественную концепцию замкнутого и повторяющегося круга истории. На уровне эксплицитного автора (самого героя – писателя-Бармина) образ революции предстает как жестокая, но почитаемая богиня, жаждущая крови (через воспоминания и жизнь поколения отцов). По образному ряду она совпадает с представлениями о самом времени-омуте, затягивающем в бездну. Она как некий рок, неотвратимая судьба или предрешение преследует как героев, так и саму страну. Образ революции на уровне имплицитного автора предстает через образы чудищ (а также частного человеческо-

го их воплощения в лице Чумака), хтонических существ, пожирающих своих детей. Это клокочущий вихрь, вовлекающий и затягивающий в себя героев. Таким образом, образные ряды имплицитного и эксплицитного авторов пересекаются, что логично, т.к. герой В. Максимова – частично автобиографический персонаж. Данный образ революции подтверждает наше понимание представлений В. Максимова, который считает историю неким повторяющимся кругом, замыкающим свои концы вокруг героев романа, страны, человечества и целого мира, ставшего для героя тем же лагерем, в котором он отбывал срок, только больших размеров. При этом образ революции очеловечивается, предстает в персонифицированных воплощениях, ассоциируется с Кроносом, с хтоническими существами, подобием неких божеств, требующих крови, жертв и смертей.

Литература

1. Кучукова Ж. М. Становление этнонациональной субъектности и образ революции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1. С. 105–107.
2. Млечко А. В. Символика «хаоса истории» в романах Марка Алданова и «русский текст» «Современных записок» («Мыслитель», «Ключ. Бегства. Пещера», «Начало конца») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 69–74.
3. Злочевская А. В. Ситуация революции – как ситуация деструкции этических и жизненных ориентиров (на материале пьес М. Булгакова «Дни Турбинных», И. Сургучева «Реки Вавилонские» и М. Алданова «Линия Брунгильды») // Slavica litteraria. 2012. Vol. 15. Iss. 1. P. 35–44.
4. Макрушина И. В. Сквозь призму карнавала: о двух революциях в романах М. Алданова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 30. С. 158–167.
5. Макрушина И. В. Своеобразие художественной историософии Марка Алданова // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 2.
6. Михеичева Е. А. Эволюция образа революционера в творчестве Л. Андреева // Славянский сборник: Материалы XI Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтений. Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2014. С. 95–102.
7. White F. H. Interpreting History: Meaning Production for the Russian Revolution // Adaptation: the journal of literature on screen studies. 2016. Vol. 9. № 2. P. 205–220. DOI: 10.1093/adaptation/apw003.
8. Чубаров И. М. Символ, аффект и мазохизм. Образы революции у А. Белого и А. Блока // Новое литературное обозрение. 2004. № 1. С. 131–147.
9. Подшивалова Е. А. Революция и народная стихия. К изучению поэмы А. Блока «Двенадцать» на уроке литературы // Филологический класс. 2006. № 15. С. 51–55.
10. Бражников И. Л. Ветер истории («стихийные» метафоры в поэме А. Блока «Двенадцать») // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 178–183.
11. Яковлев М. В. Революция и апокалипсис в лирическом пространстве А. Блока // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 14.
12. Бужор Е. С. Осмысление русской революции в творчестве Максимилиана Волошина // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 1. № 2. С. 19.
13. Якимова Л. П. Повести Леонида Леонова 1920-х годов о революции и гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 254 с.
14. Непомнящих Н. А. Мотив погорельщины в «Пирамиде» Л. М. Леонова и мотив очищения огнем в литературе начала 1920-х годов // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Лирические и эпические сюжеты / отв. ред. И. В. Силантьев. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 167–177.
15. Воротынцева К. А., Тюпа В. И. Повседневность и катастрофа в романе «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. 2014. № 1. С. 110–125.

16. Кривошея Н. А. Повесть А. М. Ремизова «Крестовые сестры» в аспекте идейно-художественного своеобразия творчества писателя и литературных традиций // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 4. С. 49–56.

17. Бражников И. Л. Историсофский текст русской революции в художественной литературе и публицистике XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 40 с.

18. Дзиов А. Р. Историческая судьба России в романе В. Максимова «Заглянуть в бездну» // Шадринские чтения: Материалы второй межрегиональной научно-практической конференции. Литературоведение. Культурология. Шадринск: Исеть, 2006. С. 3–11.

19. Попова И. М. Символико-метафорический принцип изображения истории в прозе В. Е. Максимова конца XX века // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 263–270.

20. Попова И. М. Принципы изображения истории в романистике В. Е. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-2. С. 170–173.

21. Максимов В. Е. Кочевание до смерти // Максимов В. Е. Избранное. М.: Терра, 1994. С. 523–735.

22. Литвинов В. М. Владимир Емельянович Максимов // Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь. В 2-х ч. Ч. 2: М–Я. М.: Просвещение, 1998. С. 10–14.

23. Лимонов В. А. Цикличность истории в социологических и философских концепциях XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1. С. 116–123.

24. Иваненко А. И. Хаос и революция (пролегомены к онтологии революции) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 2. С. 54–62.

25. Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. N. Y.: Vintage Books, 1960. 243 p.

THE IMAGE OF THE RUSSIAN REVOLUTION AS THE EMBODIMENT OF THE AUTHOR'S UNDERSTANDING OF HISTORY IN "THE NOMADISM TO DEATH" BY VLADIMIR MAKSIMOV *Lyudmila S. Starikova*^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ lyudvig.star@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-2166-9224>

Received 17.08.2017. Accepted 18.09.2018.

Keywords: the image of the revolution, an explicit author, an implicit author, time, history, rock, the camp prose.

Abstract: The study features the image of the revolution in the novel by V. Maksimov "The Nomadism to Death". The research employed the cultural-historical and mythopoetic methods, as well as the method of motivational analysis. Since the novel has a complex multistage structure, the image of the revolution is considered according to the levels of the text: 1. The real layer of time, featuring the generation of fathers, who participated in the revolution and civil war. For them, revolution is significant: this is what they lived, killed and died for. The image of revolution evokes respect and worship, as well as regret about its incomplete. On this level, the revolution is closely connected with the time of the Civil War, which became its continuation. 2. The metatext level (the level of the explicit author-narrator Mikhail Barmin) unites the metatextual construction of the novel (which includes the present, Barmin's past and "a novel inside the novel" about the time of the revolution and the civil war) and fits into the artistic conception of the writer's time: Maksimov depicts the time as a deadly chaotic circle, guiding the destinies of his characters and the land that repeats its history again and again, and in the whole of humanity as a whole. 3. Author's point of view (implicit author) – the revolution appears in the form of chthonic creatures, monsters devouring their children, demanding blood sacrifices and human lives.

For citation: Starikova L. S. *Obraz russkoi revoliutsii kak voploshchenie avtorskogo ponimaniia istorii v romane V. E. Maksimova «Kochevanie do smerti»* [The Image of the Russian Revolution as the Embodiment of the Author's Understanding of History in "The Nomadism to Death" by Vladimir Maksimov]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 223–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-223-230>.

References

1. Kuchukova Zh. M. Stanovlenie etnonatsional'noi sub'ektivnosti i obraz revoliutsii [Formation of ethno-national subjectivity and image of revolution]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice*, no. 9-1 (2015): 105–107.
2. Mlechko A. V. Simvolika «khaosa istorii» v romanakh Marka Aldanova i «russkii tekst» «Sovremennykh zapisok» («Myslitel'», «Kliuch. Begstva. Peshchera», «Nachalo kontsa») [The symbolism of the "chaos of history" in the novels by Mark Aldanov and the "Russian text" of "Modern Notes" ("Thinker", "Key. Escape. Cave", "The Beginning of the End")]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika = Science Journal of VolsU. Literary Criticism. Journalism*, no. 3 (2003): 69–74.
3. Zločevskaja A. V. Situatsiia revoliutsii – kak situatsiia destruktivnoi eticheskikh i zhiznennykh orientirov (na materiale p'es M. Bulgakova «Dni Turbinnykh», I. Surgucheva «Reki Vavilonskie» i M. Aldanova «Liniiia Brungil'dy») [The situation of the revolution is like the situation of the destruction of ethical and vital landmarks (on the material of M. Bulgakov's plays "The Turbins' Days", I. Surgutchev "The Rivers of Babylon" and M. Aldanova "The Line of Brunhilde")]. *Slavica litteraria*, 15, Iss. 1 (2012): 35–44.
4. Makrushina I. V. Skvoz' prizmu karnavala: o dvukh revoliutsiiakh v romanakh M. Aldanova [Through the prism of the carnival: about two revolutions in M. Aldanov's novels]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii = In the world of science and art: questions of philology, art criticism and culturology*, no. 30 (2013): 158–167.
5. Makrushina I. V. Svoeobrazie khudozhestvennoi istoriosofii Marka Aldanova [Singularity of Mark Aldanov's art historiography]. *Universum: filologiia i iskusstvovedenie = Universum: Philology and Art History*, no. 1 (2014): 2.
6. Mikheicheva E. A. Evoliutsiia obraza revoliutsionera v tvorchestve L. Andreeva [The evolution of revolutionist's image in L. Andreev's works]. *Slavianskii sbornik: Materialy XIV serossiiskikh (s mezhdunarodnym uchastiem) Slavianskikh Chtenii* [Slavic collection: Proc. XI All-Russian (with intern. participation) Slavonic Readings]. Orel: Orlovskii gos. in-t iskusstv i kul'tury, 2014, 95–102.
7. White F. H. Interpreting History: Meaning Production for the Russian Revolution. *Adaptation: the journal of literature on screen studies*, 9, no. 2 (2016): 205–220. DOI: 10.1093/adaptation/apw003.
8. Chubarov I. M. Simvol, affekt i mazokhizm. Obrazy revoliutsii u A. Belogo i A. Bloka [Symbol, affect and masochism. Images of the revolution in A. Bely and A. Blok]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review*, no. 1 (2004): 131–147.
9. Podshivalova E. A. Revoliutsiia i narodnaia stikhiia. K izucheniiu poemy A. Bloka «Dvenadsat'» na uroke literatury [Revolution and the people's element. To the study of A. Blok's poem "The Twelve" at the lesson of literature]. *Filologicheskii klass = Philological Class*, no. 15 (2006): 51–55.
10. Brazhnikov I. L. Veter istorii («stikhiinye» metafory v poeme A. Bloka «Dvenadsat'») [A wind of history ("Natural" metaphor in a poem by Alexander Blok, "The twelve")]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (2011): 178–183.
11. Yakovlev M. V. Revoliutsiia i apokalipsis v liricheskom prostranstve A. Bloka [Revolution and Apocalypse in A. Blok's lyric space]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: Filologiia. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia = Bulletin of the Moscow State Regional Humanitarian Institute. Series: Philology, linguistics and intercultural communication*, no. 1 (2013): 14.
12. Buzhor E. S. Osmyslenie russkoï revoliutsii v tvorchestve Maksimiliana Voloshina [Assessment of Russian Revolution in the Work of Maximilian Voloshin]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia = Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*, 1, no. 2 (2013): 19.
13. Yakimova L. P. Povesti Leonida Leonova 1920-kh godov o revoliutsii i grazhdanskoi voine kak zhanrovotematicheskii i semantiko-poeticheskii tsikl [Leonid Leonov's novels of the 1920s about the revolution and civil war as a genre-thematic and semantic-poetic cycle]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007, 254.
14. Nepomnyashchikh N. A. Motiv pogorel'shchiny v «Piramide» L. M. Leonova i motiv ochishcheniia ognem v literature nachala 1920-kh godov [The motif of burnout in the Pyramid by Leonid Leonov and the motif of purification by fire in the literature of the early 1920s]. *Materialy k Slovariui siuzhetov i motivov russkoi literatury. Liricheskie i epicheskie siuzhety* [Materials to the Dictionary of plots and motifs of Russian literature. Lyrical and epic stories]. Ed. Silantiev I. V. Novosibirsk: NGU, 2010, 167–177.
15. Vorotyntseva K. A., Tyupa V. I. Povsednevnost' i katastrofa v romane «Doktor Zhivago» [Everyday life and catastrophe in the novel Doctor Zhivago]. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, no. 1 (2014): 110–125.
16. Krivosheya N. A. Povest' A. M. Remizova «Krestovye sestry» v aspekte ideino-khudozhestvennogo svoeobraziiia tvorchestva pisatel'ia i literaturnykh traditsii [Conceptual and expressive originality of

A. M. Remisov's "Sisters of the Cross" in his art and literary traditions aspects]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 4 (2014): 49–56.

17. Brazhnikov I. L. *Istoriiosofskii tekst russkoi revoliutsii v khudozhestvennoi literature i publitsistike XX veka*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The historiosophic text of the Russian revolution in fiction and journalism of the twentieth century. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2011, 40.

18. Dzirov A. R. *Istoricheskaia sud'ba Rossii v romane V. Maksimova «Zaglianut' v bezdnu»* [The historical fate of Russia in the novel by V. Maksimov "Look into the abyss"]. *Shadrinskie chteniia: Materialy vtoroi mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Literaturovedenie. Kul'turologiia* [Shadrinsky readings: Proc. second interregional Sci.-Prac. Conf. Literary studies. Culturology. Shadrinsk]. Shadrinsk: Iset', 2006, 184.

19. Popova I. M. *Simvoliko-metaforicheskii printsip izobrazheniia istorii v proze V. E. Maksimova kontsa XX veka* [Symbolic and metaphorical principle of depicting historical events in the prose of V. E. Maksimov at the end of the XX century]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = News of the Tula state university. Humanitarian sciences*, no. 2 (2014): 263–270.

20. Popova I. M. *Printsipy izobrazheniia istorii v romanistike V. E. Maksimova* [Principles of story representation in romance philology of OF V. E. Maksimov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 12-2 (2013): 170–173.

21. Maksimov V. E. *Kochevanie do smerti* [The Nomadism to Death]. Maksimov V. E. *Izbrannoe* [Izbrannoe]. Moscow: Terra, 1994, 523–735.

22. Litvinov V. M. *Vladimir Emel'ianovich Maksimov* [Vladimir Emelyanovich Maksimov]. *Russkie pisateli. XX vek. Biobibliograficheskii slovar'. Ch. 2: M–Ia* [Russian writers. XX century. Bibliographic Dictionary. Part 2: M–Ia]. Moscow: Prosveshchenie, 1998, 10–14.

23. Limonov V. A. *Tsiklichnost' istorii v sotsiologicheskikh i filosofskikh kontseptsiiakh XX v.* [Cyclic recurrence (Tsiklizm) in sociological and philosophical conceptions of 20th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, no. 1 (2011): 116–123.

24. Ivanenko A. I. *Xaos i revoliutsiia (prolegomeny k ontologii revoliutsii)* [Chaos and revolution (introduction to the revolution ontology)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofii. Sotsiologii i sotsial'nye tekhnologii = Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*, no. 2 (2010): 54–62.

25. Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. N. Y.: Vintage Books, 1960, 243.